

ЭДУАРД БЕРНШТЕЙН: КРИТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ МАРКСИЗМА

Е.В. КОВАЛЕВ

*Волгоградский государственный университет,
e-mail: eugenk@inbox.ru*

В статье рассматривается теоретическая деятельность одного из ведущих идеологов европейской социал-демократии конца XIX – начала XX вв. Эдуарда Бернштейна. Анализируется его наиболее значимый и спорный труд «Проблемы социализма и задачи социал-демократии», в котором он предпринял попытку пересмотреть марксистское учение о государстве и диктатуре пролетариата.

Ключевые слова: Эдуард Бернштейн, ревизионизм, германская социал-демократия, СДПГ, ревизия марксистского учения.

Со второй половины 70-х гг. XX в. у теоретиков западноевропейского рабочего движения резко возросло внимание к идейному наследию II Интернационала¹. Последнее десятилетие XX в. отмечено резкой вспышкой интереса к доктрине Эдуарда Бернштейна в социал-демократической исследовательской литературе и публицистике. Новое обращение к наследию «отца ревизионизма» вылилось в переиздание в ФРГ его основных работ, проведение специального Бернштейновского конгресса, оживленную полемику о воззрениях Бернштейна и их современном значении. В нашей стране среди историков также началось изменение отношения к проблеме бернштейнианства.

Однако особо следует отметить, что в России теоретическая деятельность Бернштейна представлена весьма фрагментарно, читатель имеет весьма приблизительное представление о концепции Бернштейна, и в большинстве случаев в научной литературе преобладают негативные оценки его наследия.

В сегодняшней исторической ситуации жизненный путь Бернштейна, его борьба с догматизацией учения К. Маркса и Ф. Энгельса, его стремление по-новому взглянуть на перспективы социалистического переустройства общества в XX веке заслуживают внимания и уважения².

Мы предлагаем здесь современное прочтение и анализ наиболее значимой работы Эдуарда Бернштейна «Проблемы социализма и задачи социал-демократии», положившей начало течению бернштейнианства, или ревизионизма (название, данное не Бернштейном и ему не нравившееся). В этой книге Бернштейн предложил программу ревизии учения Маркса. Тезис «Движение – все, конечная цель – ничто», выдвинутый им, стал афоризмом:

Конец XIX в. относится к самому противоречивому и спорному этапу в жизни Бернштейна, оценивавшемуся одними как его слава, а другими как бесславие. Приблизилось его 50-летие, его миропонимание и взгляды постепенно менялись, эволюционировали соразмерно исторической действительности того времени³.

Хотя в 1891–1893 гг. Бернштейн еще весьма энергично выступал против положений буржуазных критиков Маркса, он уже тогда — как позднее писал в своих автобиографических заметках «Развитие социалиста» — начал сомневаться в абсолютной точности своих ответов. Даже после того, как он сумел доказать ошибочность отдельных утверждений этих критиков, Бернштейн не скрывал, что возражения, которые содержались в их работах, ему не удалось полностью опровергнуть. «Как бы я внутренне ни сопротивлялся этому, — писал он, — меня одолевала сомнения относительно принципов, которые до того

¹ Carsten, Francis Ludwig. Eduard Bernstein 1850–1932: Eine politische Biogr. Munchen: Beck, 1993. S. 19.

² Bernstein E. Entwicklungsgang eines Sozialisten // Die Volkswirtschaftslehre in Selbstdarstellungen / Hrsg. von F. Meiner - Leipzig, 1924. – S. 14–15.

³ Овчаренко Н.Е. Две жизни Э. Бернштейна // Новая и новейшая история. – 1994. – № 5. – С. 208.

момента я считал непоколебимыми, а в последующие годы мои сомнения усилились»⁴. В самой важной работе по ревизионизму уже в 1899 г. Шульце-Геверниц и другие авторы школы Брентано как бы реабилитируются. «Односторонность в изложении истории развития современной Англии, на что я достаточно сильно указывал в свое время, несколько не помешала Шульце-Геверницу как в сочинении «К социальному миру», так и в его монографии «Крупное производство как хозяйственный и социальный успех» установить факты, имеющие весьма важное значение для понимания хозяйственного развития настоящего. Отнюдь не видя в том ничего худого, я охотно признаюсь, что благодаря Шульце-Геверницу, равно как и другим экономистам школы Брентано (Геркнер, Синцгеймер), я обратил внимание на многие факты, которым раньше либо вовсе не придавал, либо придавал весьма поверхностное значение. Я даже не стыжусь сознаться в том, что почерпнул кое-что из книги Юлия Вольфа «Социализм и социалистическое общественное устройство»⁵.

В отличие от Георга Фольмара Бернштейн был не столько экспертом по вопросам повседневной борьбы, сколько теоретиком. Еще Энгельс хвалил его главным образом за реализм и противопоставлял этот реализм педантизму интеллектуала Каутского. Похвала Энгельса и тот факт, что он назначил Бернштейна исполнителем своего завещания, придавали словам последнего внутри партии куда больший вес, чем речам Фольмара. Поэтому, когда в 1896 г. Бернштейн – через год после смерти Энгельса – начал публиковать в «Нойе цайт» серию статей «Проблемы социализма» и подверг обсуждению все теоретические предпосылки марксизма той поры, это не могло не вызвать сенсации. Затем в 1899 г. эти статьи, расширенные и переработанные, были опубликованы в книге под названием «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» («Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemocrati»). Причин для этого у Бернштейна было две. С одной стороны, он стремился преодолеть разрыв между теорией (радикал-революционной) и практикой (реформистской) в СДПГ, с другой стороны, он собирался пересмотреть положения марксизма, поколебленные буржуазной критикой Маркса и утратившие – по его убеждению – свое значение в эмпирическом плане. В то же время Бернштейн не сомневался в своей верности духу Маркса и Энгельса и в том, что он сохранит «научный характер» марксистского социализма, который его критики, догматически опираясь на опровергнутые положения или тезисы, не поддающиеся проверке в эмпирическом плане, считали изжившими себя.

Книга Э. Бернштейна «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» состоит из четырех глав. Первые две главы (Основные положения марксистского социализма; Марксизм и гегельянская диалектика) относительно кратко описывают представления марксистской теории. В последних двух главах книги (Хозяйственное развитие современного общества; Задачи и средства социал-демократии) Э. Бернштейн более детально останавливается, прежде всего, на экономическом развитии буржуазного общества и возможностях социалистической политики.

В первых двух главах своей книги Бернштейн подверг критике философские предпосылки марксизма так, как он их себе представлял. Основная идея подобных рассуждений в том, что Маркс, попав в ловушку «гегелевского диалектического метода», разработал концепцию истории, согласно которой развитие можно представить лишь как обострение противоречий, то есть через насильственные революции. Не столько реалистическое наблюдение общества, сколько ориентация на диалектическую модель развития заставили Маркса и марксистов сформулировать теорию неизбежности классовой борьбы и ее обострения. Бернштейн протестует против этой «догматической» ориентации во имя, так сказать, эмпирической науки. Однако если – как это происходит, например, у Каутского – социализм нельзя вывести из развития капиталистического общества как его необходимый результат, его следует обосновать, как затем утверждает Бернштейн, на моральной основе в качестве политической цели. Социал-демократия борется за социализм

⁴ Steger, Manfred. The Quest for Evolutionary Socialism: Eduard Bernstein and Social Democracy. Cambridge: University Press, 1996. – P. 21.

⁵ Бернштейн Э. Предпосылки социализма и задачи социал-демократии [нем. ориг.]. Stuttg., 1899; русский перевод: Исторический материализм. СПб., 1901; Социальные проблемы. – М., 1901. – С. 333.

не потому, что он «должен наступить» (с «научно обоснованной очевидностью»), а потому, что он может наступить. В связи с этим Бернштейн соглашается с формулой Фридриха Альберта Ланге и рекомендует «возвратиться к Канту»⁶.

Объективная теория стоимости также не кажется Бернштейну обязательным элементом социалистической доктрины. По его мнению, она является обычным «интеллектуальным построением», методом интерпретации действительности и может поэтому спокойно сосуществовать с методом совершенно иного типа: с субъективной теорией стоимости (или маргиналистской теорией). Ученый, так сказать, волен сам устанавливать, какая схема интерпретации более приемлема в определенном случае и позволит добиться лучших результатов⁷.

Теоретическое ядро книги, составляют третья и четвертая главы, в которых Бернштейн детально и довольно корректно описывает экономическое развитие общества.

В своих положениях Бернштейн тесно смыкается с буржуазными критиками Маркса, заменяя собранный ими статистический материал данными по Пруссии и Саксонии. Его оценку сложившейся обстановки и дальнейшего возможного развития капиталистического общества можно резюмировать следующим образом.

1. Концентрация промышленных предприятий не эквивалентна параллельной концентрации состояний. Об этом свидетельствует главным образом растущее число акционеров, которым принадлежат крупные промышленные предприятия. Поэтому Бернштейн делает вывод, что «...нельзя согласиться с тем, чтобы будущее развитие предвещало относительное или же абсолютное уменьшение числа собственников. Не «более или менее», а прямо-таки «более», то есть абсолютно и относительно более увеличивается число собственников. Если бы деятельность и надежды социал-демократии вызывались тем, что число собственников регрессирует, то ей не о чем было бы и хлопотать. Но на практике оказывается совершенно иное. Не от регресса, а от увеличения общественного богатства зависят надежды социализма. «Социализм ... пережил уже множество лжеучений, и потому переживает и то, которое доказывает, что его судьбе грозит концентрация собственности, иначе, поглощение сверхценности одной, постоянно уменьшающейся капиталистической группой»⁸.

2. «Средние слои», занимающие промежуточную позицию между капиталистами и наемными рабочими, не исчезают с ростом индустриализации, а продолжают существовать. В некоторых секторах производства их число, безусловно, растет. Это положение также документально подтверждено статистическими данными по промышленности. Хотя сам Бернштейн вынужден признать, что число лиц, занятых на крупных предприятиях, выросло в большей степени, чем на мелких и средних, говорить об «исчезновении» мелких и средних предприятий нельзя⁹. Другие ревизионисты (Давид, например) настаивали, главным образом, на том, что в условиях сельскохозяйственного производства концентрация хозяйств не приемлема¹⁰.

3. С помощью соглашений между промышленными объединениями, трестами и т.д., как и путем расширения системы кредитов, капиталистическая экономика в состоянии если не предотвратить кризисы, то в значительной степени ослабить их суровость.

Маркс и Энгельс исходили из гипотезы о циклически повторяющихся «кризисах перепроизводства», которые являются следствием противоречия между «характером производительных сил и производственных отношений». Но именно теоретические отправления точки зрения Маркса и Энгельса на кризисы кажутся Бернштейну несостоятельными. Так, формула Маркса, согласно которой «конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества», содержит в себе гипотезу, мало отличающуюся от гипотезы Родбертуса. Разумеется, это утверждение имеет своим источником третий том «Ка-

⁶ Там же. – С. 357–358.

⁷ Там же. – С. 389–390.

⁸ Там же. – С. 104.

⁹ Там же. – С. 114–115.

¹⁰ David E. Sozialismus und Landwirtschaft. – Munchen, 1983. – S. 48.

питала», начатый уже в 1864-1865 гг., то есть почти на 14 лет раньше второго тома. Таким образом, Маркс определил функцию обновления части основного капитала как причину кризиса, будучи убежден, что «кризис всегда образует исходный пункт для крупных новых вложений капитала. Следовательно, если рассматривать общество в целом, то кризис в большей или меньшей степени создает новую материальную основу для следующего цикла оборотов»¹¹.

Необходимость обновления части основного капитала, тем не менее, не ощущается одновременно во всех отраслях производства и может меняться в зависимости от уровня развития технологии. Маркс не доверял собственной гипотезе о необходимости подобного обновления через все более короткие интервалы. Во всяком случае, он считал возможным, что в период с 1847 по 1867 гг. примерно в десятилетнем цикле «острая форма периодического процесса... уступила, по-видимому, место более хронической, затяжной, затрагивающей различные промышленные страны в различное время смене сравнительно короткого, слабого улучшения дел и сравнительно продолжительного угнетенного состояния»¹². Из этой гипотезы Маркса Бернштейн заключает, что вследствие усовершенствования средств связи (телеграф) негативные последствия локально ограниченных кризисов могут быть легче нейтрализованы; в особенности это касается спекулятивных кризисов, которых можно либо избежать вовсе, либо хотя бы ослабить. Иными словами, чем больше совершенствуется система информации, тем меньше опасность необузданных спекуляций, играющая такую отрицательную роль главным образом в странах и отраслях производства, которые лишь недавно встали на путь капиталистического развития¹³.

На критические замечания Розы Люксембург о том, что кредитная система является исключительно средством обострения будущих кризисов, Бернштейн возражает, что уже Маркс отмечал, что кредит может давать и положительные результаты; рабочие кооперативы, например, рассматриваются как продукт кредитной системы. До сих пор никто не доказал эмпирически утверждения Маркса и Люксембург о том, будто кредит обостряет противоречия в отношениях между собственностью и производством. Хотя Роза Люксембург утверждает далее, что все до тех пор происходившие кризисы ни в коей мере не носили характера, который прогнозировал Маркс и что, напротив, они возникнут лишь после завершения развития мирового рынка, однако точное описание механизма кризисов, данное самим Марксом, противоречит подобным утверждениям. Схема кризиса у Маркса или для Маркса отнюдь «не образ будущего, а картина настоящего». Маркс предвидел лишь обострение подобных кризисов, и именно по этому пункту Бернштейн ему возражает.

Кроме того, еще неясно, когда появится «мировой рынок», о котором говорит Роза Люксембург. Как известно, интенсивное развитие мирового рынка играет более важную роль, чем экстенсивное (в заморских странах). Так, «Англия экспортирует в Австралию товаров на значительно меньшую сумму, чем в одну только Францию, а в британскую Северную Америку и Россию — намного меньше, чем в Германию. Внешняя торговля Англии со своими колониями не достигает даже одной трети объема торговли со всем остальным миром»¹⁴. Словом, трудно предсказать, когда завершится образование мирового рынка, о котором Роза Люксембург говорила как о моменте, который подтвердит марксистское предвидение кризисов.

Бернштейн видит в той роли, которую играют объединения предпринимателей, картели и тресты, средство для избежания кризисов перепроизводства. Кроме того, он опровергает утверждение Розы Люксембург, согласно которому эти объединения могут включать лишь отдельные отрасли производства в противовес другим и никогда не должны становиться «общими». В самом деле, все предприниматели, безусловно, заинтересованы в том, чтобы избежать кризиса. В то же время Бернштейн вовсе не скрывает, что подобные соглашения [между предпринимателями] приводят к отрицательным последствиям, особенно когда они сопровождаются протекционистскими тарифами и льготным

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 24. — С. 191, 208.

¹² Там же. Т. 25, ч. II. — С. 32.

¹³ Бернштейн Э. Предпосылки социализма и задачи социал-демократии. Stuttgart. 1899; русский перевод: Исторический материализм. — СПб., 1901; Социальные проблемы. — М., 1901. — С. 142.

¹⁴ Там же. — С. 152-153.

экспортом. Во всяком случае, не следует закрывать глаза на то, что возможность такого воздействия на механизм кризисов очевидна. «Чтобы картели и пр. составляли последнее слово экономического развития или же в состоянии были на продолжительное время устранить противоположения современной хозяйственной жизни, этого мне и в голову не приходило утверждать. Я гораздо более убежден в том, что, где в современных промышленных государствах картели и тресты поддерживаются и усиливаются посредством охранительных пошлин, там они должны будут обратиться в факторы кризисов соответственных отраслей промышленности для самой охраняемой страны, если не в самом начале, то, во всяком случае, в конце концов. При этом весь вопрос заключается лишь в том, надолго ли подобным хозяйством удовлетворится народонаселение соответственных стран». В отличие от протекционизма, который представляет собой «вмешательство государственной власти в область экономики, стремящееся регулировать экономические влияния»¹⁵, объединения предпринимателей представляют собой средство действительно экономического характера. Отрицать преимущества подобной организации по сравнению с «анархической конкуренцией» — значит не хотеть видеть преимущества ограничения стихийного производства «в период насыщения рынка» перед лицом явлений, предвещающих кризис.

Как бы Бернштейн ни маскировал, несмотря на свои положения, современный ему капитализм, речь идет о нем; об этом явно свидетельствует отрывок из той же главы (из нее были взяты приведенные выше цитаты), в которой он резюмирует свою концепцию о структурной тенденции капитализма к кризисам. Главный вывод: «Продуктивная способность в современном обществе значительно сильнее, нежели действительный спрос на продукты, определяемый по покупательной способности. Миллионы людей живут в недостаточных помещениях, недостаточно сыты и одеты, несмотря на то, что щедро рассыпаны средства для того, чтобы они имели удобные жилища, пищу и одежду. Благодаря подобному несоответствию в различных отраслях промышленности [возникает] перепроизводство... а следствием этого устанавливается большая неравномерность в занятиях рабочих, которая создает чрезвычайную неуверенность их положения по отношению к труду и тем самым весьма нежелательную независимость, в результате же имеет [место] в одном случае излишний труд, а в другом — безработица. Из ныне применяемых средств противодействия крайнему обострению этого зла картели капиталистических предприятий, с одной стороны, для рабочих, а с другой — для всего общества, представляют из себя монополистические союзы, имеющие тенденцию за их спинами и за их счет бороться с подобными же монополистическими союзами других отраслей промышленности или других стран или при помощи международных промышленных договоров по собственному усмотрению регулировать сообразно своим выгодам производство, равно как и цены. В виртуальном смысле капиталистическое средство защиты против кризисов таит в себе зародыш еще более сильной зависимости рабочего класса, равно как и привилегий производства, представляющих собой еще более острую форму сравнительно с прежними цеховыми привилегиями»¹⁶.

Таким образом, Бернштейн вовсе не утверждает, будто современная капиталистическая экономика с помощью кредитов и промышленных объединений может избавиться от кризисов или прямо-таки гарантировать благополучие всем. Он просто отмечает, что механизм кризисов в условиях классической капиталистической конкуренции не действует более в полной мере и что поэтому не следует говорить об обострении периодических кризисов.

Что касалось концентрации промышленного производства, то Бернштейн признавал, что развитие крупного производства в Германии «произошло необычайно быстро». Однако в 1895 г. из 10 250 000 занятых в промышленности 7 250 000 все еще работали на мелких и средних предприятиях (до 50 работников), и только немногим более 3 000 000 — на крупных предприятиях. Так же, как и в промышленности, в торговле сохранялись мелкие и средние предприятия, несмотря на «бурный расцвет больших универсальных магазинов». Итак, развитие крупного производства шло медленнее, чем предполагала социалистическая теория. В сельском хозяйстве в Европе и отчасти даже в Америке во-

¹⁵ Там же. — С. 160.

¹⁶ Там же. — С. 163-164.

обще не было роста объема предприятий, а был застой или спад этого направления. Здесь концентрация проходила не в форме, которую предполагал Маркс (в форме увеличения площади отдельных хозяйств), а путем перехода к культурам, на которые затрачивалось больше труда, или к квалифицированному скотоводству вследствие растущей конкуренции восточно-европейских или заокеанских аграрных стран. В своем предисловии к 13 изданию «Предпосылок» в 1908 г. Бернштейн повторял, что только карликовые предприятия приходят в упадок. Между 1895 и 1907 гг. количество занятых на предприятиях с численностью более 500 чел. увеличилось на 89%, количество занятых на вспомогательных предприятиях – только на 53%. «Крупное и гигантское производство занимает все большее пространство в торгово-промышленной сфере, но оно не монополизирует ее»¹⁷. По этому пункту анализ Бернштейна позже подтвердился. В конце XX – начале XXI столетия в Европе тоже существуют бесчисленные мелкие и средние предприятия, часто как посредники в крупной промышленности.

За критикой «предвидений» современного марксизма следует затем (в последней главе книги) краткое изложение его критики так называемой «теории краха».

«Коммунистический манифест» предсказывал: «Бывшие средние классы, мелкие фабриканты, торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне – все эти классы стекаются в пролетариат, так что в итоге «подавляющее множество» будет противостоять маленькой группе эксплуататоров». Бернштейн, наоборот, подчеркивал: «Если бы государство было так устроено или развивалось так, как предположено социалистической доктриной, тогда экономический крах был бы лишь вопросом короткого периода». Но это не так; в действительности деление общества не упростилось, а «в большей степени дифференцировалось». Количество собственников не сократилось, а увеличилось: «финансовое ведомство к огорчению названных – известный факт, который сегодня невозможно изменить». Встречающиеся в социалистической литературе «сведения об исчезновении средних классов» основываются на недостаточных статистических данных и неверны. Бернштейн признал, что «Коммунистический манифест» правильно обозначил общие тенденции общественного развития: неожиданное признание ортодоксальной точки зрения, которое основано на тактике; но, как он считал, прогноз ошибочен «в различных выводах, в первую очередь, в оценке времени», которое необходимо для развития. Неизбежны частные депрессии, но «не всеобщий застой в современной организации и расширении мирового рынка и особенно в широком распространении производства продовольственных товаров»¹⁸, только непредвиденные внешние события могут обусловить всеобщий кризис.

На основе этого социального анализа Бернштейн сделал важные политические выводы. Несмотря на большой прогресс рабочего класса в духовном, политическом и экономическом отношениях со времени Маркса и Энгельса, «...я считаю его даже сегодня еще недостаточно развитым, чтобы принять политическое господство». В этом отношении в социалистическую литературу прокралось лицемерие, «которое подавляет всякое разумное мнение»; только литераторы, не имея никакой личной связи с рабочим классом, могут судить иначе. «Мы не можем потребовать от класса, большая часть которого обитает в тесноте, плохо обучена, имеет ненадежный и недостаточный заработок, того высокого интеллектуального и морального уровня, который предполагают организация и состояние социалистического общества». Поэтому ему «не нужно его приписывать». Сюда относится другой важный факт. «Стремление промышленного рабочего класса к социалистическому производству» – в основном «больше предположение, чем достоверность». В Германии, стране с самой сильной социал-демократией, 2,1 миллиона социалистических избирателей (1898 г.) при 4,5 миллионах промышленных рабочих. Больше половины относятся к СДПГ «отчасти равнодушно и лишены понимания и даже враждебно», и в позитивной деятельности за освобождение от зависимости участие принимает очень низкий процент. В сельском хозяйстве 5,6 миллионов рабочих; для их преобладающего большинства «обобществление сельскохозяйственной продукции не больше, чем пустые слова». Их идеал – приобретение собственного землевладения¹⁹. На самом деле СДПГ в селе была представлена очень слабо.

¹⁷ Там же. – С. 94, 126.

¹⁸ Там же. – С. 209, 216.

¹⁹ Там же. – С. 214.

Далее в последней главе «Предпосылок» следуют положения Бернштейна о «задачах и возможностях социал-демократии» и его размышления об экономических кооперативах и главным образом о «демократии и социализме».

В основе социализма, по Бернштейну, лежат демократия и этика, а не исторический процесс; автор подчеркивает также неравновесие, существующее между политической демократией и экономической жизнью, в то время как (по крайней мере, в западных демократиях) все взрослое мужское население в политическом плане пользуется одинаковыми гражданскими правами, в экономической жизни условия существования большинства — это условия зависимости. Неодинаковый уровень жизни, неуверенность в наличии работы угрожают узаконенному равенству всех. Поэтому единственно логический путь к социализму проходит через утверждение демократии.

«Демократия — это средство и в то же время цель. Она есть средство проведения социализма, и она есть форма осуществления этого социализма. Конечно, творить чудес она не может. Она не может, например, в такой стране, как Швейцария, где промышленный пролетариат составляет меньшинство народонаселения ... передать в руки пролетариата политическую власть. Она не может также и в такой стране, как Англия, где пролетариат составляет значительно более многочисленный класс населения, поставить его во главе промышленности. Этот пролетариат, который отчасти и сам не питает к этому никакой склонности, отчасти же чувствует себя даже неспособным или не доросшим до разрешения связанных с этим задач. Но зато в Англии, равно как и в Швейцарии, а также во Франции, Соединенных Штатах, в Скандинавских и пр. странах демократия проявила себя могущественным рычагом социального успеха». Английское законодательство после выборов 1867 г., которое многим рабочим предоставило избирательное право, означало для него «значительный шаг вперед в направлении к социализму, если не при социализме». Местное самоуправление, школьное образование и благотворительность больше не были «монополией собственников и привилегированных», масса рабочих имела такое же право голоса, как «самый крупный лендлорд и самый богатый капиталист», прямые налоги постоянно повышались, в то время как косвенные понижались»²⁰. Это положение Бернштейна получило дальнейшее развитие: «Демократия в принципе предполагает упразднение господства классов, если только и не самих классов». Социал-демократия без всяких недомолвок должна стать «на почву всеобщего избирательного права и демократии...». Переход от капиталистического общества к социалистическому (не от буржуазной диктатуры к пролетарской) должен осуществляться постепенно, с помощью демократии. «Социал-демократия вовсе не желает уничтожения этого общества и обращения в пролетариев всех его сочленов; наоборот, она старается вывести рабочих из их состояния пролетариата в бюргеры и таким образом обобщить и объединить бюргерство. Она вовсе не мечтает о замене бюргерского общества пролетариатом, но лишь о введении вместо капиталистического социалистического общественного устройства»²¹.

Даже если либерализм был вначале буржуазным и капиталистическим движением, социализм может считать себя связанным с ним в положительном смысле и следовать ему. Так, например, установление максимальной продолжительности рабочего времени является не чем иным, как отменой рабства и крепостного состояния. «В сущности же не бывает либеральных мыслей, которые бы не входили в состав социальных идей». Бернштейн видит основу создания демократии в области экономики, как в «рабочих бюро», так и в «ремесленных судах, рабочих камерах и подобных им учреждениях, в которых если и не вполне совершенно, то все же выразилось демократическое самоуправление»²². Индивидуальная ответственность каждого — старый идеал либералов — может быть достигнута для большинства трудящегося населения только через социализм. Она может быть осуществлена только через организацию. Так, например, некоторые профсоюзы уже сегодня в состоянии «гарантировать своим членам право на занятость»²³, тогда как организации самозащиты, подобные институтам страхования, управляемым рабочими, и осо-

²⁰ Там же. — С. 185-186.

²¹ Там же. — С. 244, 252.

²² Там же. — С. 255, 257.

²³ Там же. — С. 190.

бенно потребительские и производственные кооперативы, представляют собой последующие формы утверждения демократии в обществе. «В этом смысле социализм можно было бы даже назвать организаторским либерализмом»²⁴. Таким образом, важно, чтобы созданные социализмом организации коренным образом отличались от федеральных институтов как добровольные и открытые для всех.

Даже если демократия и является, следовательно, идеальной почвой для развертывания классовой борьбы, она все же не может допустить «возникновения или преодоления основных противоречий».

Как показали события прошлого, это предостережение оказалось справедливым. В целом это была умная и важная книга, которая эффективно критиковала ряд социалистических установок. Это было удивительное достижение для автодидакта, который до этого выступал только с журналистскими работами.

Бернштейн никогда не ставил под сомнение правомерность признания социализма целью и идеалом мирового общественного развития. Его критика сосредоточивается на тех положениях социалистического, и, прежде всего, марксистского учения, на тех принципах политической практики рабочего движения, которые не сработали, превратились в догму. Однако ревизия Бернштейном отдельных положений учения Маркса и Энгельса была воспринята большинством его современников как полный отказ от теории и метода марксизма, а его социалистическая программа — как альтернативная идеям марксистского социализма.

Сам Бернштейн неоднозначно характеризовал свое отношение к марксизму. По его словам, это теоретический синтез «философии истории, политической экономии капитализма и теории классовой борьбы пролетариата, синтез, обновленный последними исследованиями реалий общественного развития. В своих основных понятиях это учение оказалось опровергнутым. Но то, что составляет его глубинный смысл и содержание, подтверждено исторической практикой»²⁵. Несомненной заслугой марксизма Бернштейн считает то, что в нем соединились в единое целое «социализм как духовно-теоретическая деятельность и социализм как борьба угнетенных масс за свое освобождение».

EDUARD BERNSTEIN: CRITICAL ARGUMENTS AGAINST MARXISM

E.V. KOVALEV

*Volgograd State University, e-mail:
eugenk@inbox.ru*

In article theoretical activity of one of leading ideologists of social democracy of the end of the XIX – beginning of XX century of Eduard Bernstein is described. His most significant and disputable work «Problems of socialism and a task of social democracy» in which he has reconsidered the Marxist doctrine about the state and dictatorship of proletariat.

Key words: Eduard Bernstein. Revisionism. The German social democracy. SDPG. Audit of the marxist doctrine.

²⁴ Там же. – С. 194.

²⁵ Там же. – С. 360.